

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕЙ ПОЭЗИИ В.А. КАРПОВА

Ономастическое пространство нескольких стихотворений В.А. Карпова, относящихся к его ранней лирике, связано с именами художников, которые оказали заметное влияние на мировосприятие и мировоззрение поэта. Среди них выделяются два имени – Грин и Григ. Созвучие слов – это не единственное, что привлекает к ним автора. Их роднит гармония мира, воплощенная в художественной прозе одного и в музыке другого. И совсем не случайным, странным или неожиданным кажется совпадение: любимых женщин Александра Грина и Эдварда Грига, которые вдохновили их на создание лучших произведений, звали одинаково. Феерию "Алые паруса" писатель посвятил своей жене Нине. Для Нины Григ композитор написал множество песен, среди которых знаменитая "Песня Сольвейг".

Эстетическая позиция автора связана с позицией нравственной, художественные идеалы перекликаются с личностными идеалами. Поэтому вполне закономерно, что в стихах В.А. Карпов обращается к своим любимым литературным образам. Так в его стихах возникают имена любимых героинь Грина и Грига – Ассоль и Сольвейг, являющихся воплощением романтической возвышенности, близости к природе, искренности чувств, ожидания счастья и веры в чудо, а также главной черты духовности в данном контексте – верности и любви: *"Я тебя нахожу у Грина, открываю тебя у Грига...И Ассоль ты моя, и Сольвейг..."*. Близость для художественного мировосприятия поэта образов, созданных Грином и Григом, их совмещенность проявляется и в строчках *"И сквозь шторма соленые гаммы По волнам ты ко мне стремишься"*, в которых очень интересным представляется словосочетание *шторма соленые гаммы*, включающее метафору-сравнение *гаммы шторма*. Море – неотъемлемая часть внутренней, душевной привязанности, без которой невозможно представить творчество композитора и писателя, и образ которого часто встречается в ранних стихах В.А. Карпова. Достаточно легко расшифровывается сравнение любимой девушки с бегущей по волнам Фрези Грант.

Имя *Грин* появляется и в других стихах: *"Молчит и Грин – то сказочник, то враль, Молчит романтика, Повесив плащ в заплатах..."*), в которых поэт заявляет о своих человеческих ценностях и о предназначении художника: жизнь бессребренника, посвятившего себя мечте и творчеству.

Названия вымышленных гриновских городов Зурбаган и Лисс являются для него не только звучными наименованиями, но и любимыми, как и для Грина, городами, и также значимыми для его творчества: *"Ты живешь далеко – в Зурбагане, я томлюсь в опустевшем Лиссе..."*. Любовь к путешествиям всегда отличала В.А. Карпова, он любил узнавать новые места, любил города, в которых уже однажды побывал и в которых оставил

часть своей души. Он стремился вернуться к пережитому, однако при этом всегда осознавал горечь разлуки с любимым человеком, с которым его могут разделять многие десятки и сотни километров, а также внутренние, душевные, расстояния. Поэтому город становится *опустевшим*, когда в нем нет любимого человека. И в последних строчках стихотворения подчеркивается невозможность близкой встречи: *"В кассах Лисса висят анилагги: "В Зурбаган все билеты проданы" "*.

Едва намеченной темой разлуки, разъединяющих близких людей расстояний, эти стихи перекликаются с другими: *"Который год – соседи по стране, Что может быть обиднее и горше?"*, в котором уже действуют реальные города и страны: Сибирь и Орша, София и Польша. И более определенным и жестким становится отношение поэта к вынужденной разлуке: *"Сигнал – "Три точки, три тире, три точки" То из Софии илю, то илешь мне в Польшу...Сейчас идем с тобой по счастья лучику Навстречу, ноги колем, по стерне..."*.

В первом стихотворении автор использует и другие литературные женские имена. Образ холодной, неприступной сказочной *"красавицы Несмеяны"* дополняется образом блоковской Незнакомки: *"И в театре, программу комкая, на тебя смотрю, не на сцену. Ты – знакомая Незнакомка..."*. Авторское осмысление образов Незнакомки и Несмеяны добавляет в понимание человеческого и художественного идеала поэта поиски не только внешней, но и внутренней красоты, загадочности, недоступности, чистоты и целомудренности. И совсем в русле авторской поэтической мысли – "находки" и "открытия", которыми автор как бы заявляет о своем всеобъемлющем интересе к внутреннему миру человека, собственному и внутреннему миру другого человека.

Гиперболизация на художественном уровне отражает свойственное личностному восприятию отношение к человеческим взаимоотношениям: *"Ты – Снегурочка, белая, белая, Тронь – исчезнешь в одно мгновение. Ты – рабыня дерзкая беглая. Ты – одно из всех откровений"*. Поэт говорит не только о хрупкости и эфемерности внешнего облика, но понимает хрупкость чувств, хрупкость человеческих взаимоотношений. А далее он заявляет о своей жизненной позиции, при которой человек должен не подчиняться чьей-либо воле, а всегда оставаться самим собой.

Идеал поэта не расплывчат, а четок и определен. Форма стихотворений отражает это стремление к четкости мысли и образа. Стихи отличаются немногословностью и прочной позицией, при которой любое слово занимает именно ему отведенное место. Поэтому каждое слово становится неотъемлемой составляющей фрагмента и целого в структуре художественного текста. В стихах поэта отсутствуют банальные рифмы, для него характерны многочисленные находки (например, *комкая – знакомая Незнакомка*), часто в строке присутствует не одно, а несколько рифмующихся слов. Чеканный стих отличает "мужскую" поэзию, в которой форма и смысл неразделимы. Уже в ранней поэзии поэт выступает как зрелый мастер, обладающий четкой целевой установкой, определенными

человеческими и художественными принципами, способный к их воплощению в своем поэтическом творчестве.

Строки *"Стала радостью, Стала болью, Неизбывчивой, постоянной"* при помощи контрастного изображения определяют противоречивые чувства, которые испытывает лирический герой к своей возлюбленной. Последующие строчки стихотворения позволяют говорить о том, что эта боль – внутреннее состояние, присущее человеку, способному на настоящее чувство. Кроме того, испытывать чувство боли свойственно настоящему художнику, поэту, не равнодушному к окружающему миру и к другим людям, что доказывает автор своим поэтическим творчеством. Строки другого стихотворения, полностью построенного на контрасте, являются как бы повторением и продолжением сказанного: *"Ты и радость моя, и горе, И легко и трудно с тобою, То бросаешь с размаху в море, То уводишь в пустыню, к зною..."*.

Окказионализмы поэт образует с поразительной легкостью, поскольку чувство языка и тонкость стилистической организации поэтического текста являются для него органичными и присущи ему как лингвисту, работающему со словом. Поэтому образованный в соответствии с языковыми законами русского словообразования эпитет *неизбывчивый* органично вплетается в структуру стиха. Новое слово образовано при помощи морфа *-чив-*, придающего прилагательному значение 'имеющий свойство к действию, обозначенному мотивирующим словом', и имеющего широкое распространение в разговорной и художественной речи. Основанием для индивидуально-авторского употребления послужили слова русского литературного языка: *неизбывный*, имеющее значение 'Такой, от которого трудно, невозможно избавиться; неистребимый' со стилистической пометой *книжное*; и *забывчивый*, имеющее противоположное значение 'Легко и быстро забывающий'. Кроме того, эти прилагательные имеют общую основу, что также способствовало образованию нового слова.

В близких по тематике стихах поэта возникают мотивы и образы, которые затем находят свое развитие в более поздних поэтических произведениях автора. Следует привести только некоторые из них, характеризующиеся специфическим словоупотреблением, особым выбором и сочетаемостью слов. Среди них, кроме упомянутых выше, традиционные для поэзии образы света, огня, костра, горения, пламени и т.п.: *"С безумием бабочки на огонь, Через овраги, кусты, Как будто погоня – Пули вдогон... А у огня – ты"*; *"Кострами любимые светят в ночах..."*; *"...в глазах огонь..."*; *"Четыре дня, четыре ночи Поездом нестись, горя в ознобе..."*; *"Потрескивал яростью хворост слов, в углях остывая светил"*. Часто встречается образ птицы: *"Можешь быть и цветком и птицей"*; *"... а с тобой отрастают крылья"*; *"И отлетают мысли, Как грачи, Сквозь времени расплывчатую зыбкость"*; *"Чтоб после, в темные жизни дни – Рвануться к тебе растерянной птицей, Увидеть снова твои огни, Выйти, не заблудиться"*.

В своих стихах В.А. Карпов говорит о многогранности и противоречивости слова: *"В груди теснятся новые слова, Как мячиками я*

играть готов. Услышит ли их кто-нибудь? Едва ль... Мне хорошо известна лживость слов, Их сила. Слабость их и их цена"; "В словах пожара запах...". Свои личные переживания поэт связывает также со словом февраль, которое имеет для него символический смысл: "А за окном – чернеющий февраль... "Февраль... Достать чернил..." И не заплакать!"

Особую значимость для автора приобретает противопоставление звука и тишины, а порой и их соединение: *"Она [беда] своим молчанием кричит"; "... На берег выйти, с плеч стряхнув волну, И задохнуться, слыша тишину каких-то звуков. Незнакомый звук равняю я к значенью тишины, Равняю я к значенью красоты Неуловимой, как преддверье сна"*.

Важная роль в стихах отводится цветообозначениям. Помимо черного, белого и серого цветов, чаще всего, употребленных в контрастном изображении и имеющих традиционную символику "свет – тьма", "радость – горе" и т.п., в стихах В.А. Карпова часто используется противопоставление желтого и зеленого цвета: *"Маиут листьев желтые флаги", "Ведь не поверят те, кто часто лжет, Что зелень будет, если август желт, Что силу жизни осень сбережет Для новых весен..."*. Символическое значение несколько иного порядка для поэта имеют желтый, зеленый и красный цвет, что особенно отчетливо видно из следующих строк: *"И все гвоздики – красные, И все тюльпаны – красные. И ты по сердцу сразу, Спеша, боясь, опаздывая, Шла, неостановлена на запрещенный свет – Желтого с зеленым В твоей палитре нет..."* Многоцветие как торжество жизни и любви провозглашается в строчке *"Сверкнула, словно радуга..."*

Это лишь небольшая часть значимых для поэта понятий и образов, нашедших отражение в его лирической поэзии. В приведенных примерах достаточно отчетливо проявляются языковые особенности и приемы, характерные для его художественного мышления, склонность к предельной лаконичности, ассоциативности, использованию метафоры-сравнения, оксюморона, символики цвета, традиционных поэтических образов, широкому привлечению литературного фона и др.

Стихи, о которых шла речь выше, датированы 1964 – 1969 годами. Языковые особенности, присущие поэтической манере В.А. Карпова, представляются уже сформировавшимися, однако получившими развитие в более поздних поэтических произведениях автора. Эстетическая и нравственная позиция поэта отчетливо проявляется в стихотворении, написанном им в январе 1969 года в Софии:

*И снова один я...
Машинка, три снимка на столике...
Торпеда беды проскочила у левого борта...
Простите за слабость...
Да, жизнь удивительно стояща,
Когда есть друзья
И ладони горят от работы...*

И еще. В полной мере к его поэтическому творчеству можно отнести слова Эдварда Грига: "Прежде всего, надо быть человеком. Все настоящее искусство вырастает из человеческого".